

Андрей
Рубанов

Андрей
Рубанов
Патриот
Роман



Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П76

Оформление переплёта — Андрей Рыбаков

Издательство благодарит литературное агентство
«Banke, Goumen & Smirnova»
за содействие в приобретении прав

Рубанов, Андрей Викторович.

П76 Патриот : роман / Андрей Рубанов. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной,
2018. — 507, [5] с. — (Новая русская классика).

ISBN 978-5-17-101811-5

Андрей Рубанов — автор книг «Сажайте, и вырастет», «Стыдные подвиги», «Психодел», «Готовься к войне» и других. Финалист премий «Национальный бестселлер» и «Большая книга».

Главный герой романа «Патриот» Сергей Знаев — эксцентричный бизнесмен, в прошлом успешный банкир «из новых», ныне — банкрот. Его сегодняшняя реальность — долги, ссоры со старыми друзьями, воспоминания... Вдруг обнаруживается сын, о существовании которого он даже не догадывался. Сергей тешит себя мыслью, что в один прекрасный день он отправится на войну, где «всё всерьёз», но вместо этого оказывается на другой части света...

Роман удостоен премии «Ясная Поляна» и вошел в шорт-лист премий «Большая книга» и «Национальный бестселлер».

УДК 21.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101811-5

© Андрей Рубанов
© ООО «Издательство АСТ»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

— Это что?

— Срезанная бирка.

— Почему она срезана? Где она? Кто срезал?

— Не знаю.

— Дай мне эту, красную! Маленькую! Тоже — срезана? Вот! — она была, а потом её срезали ножницами! Где бирки?

— Серёжа, я не знаю, где эти чёртовы бирки. Я заказал человеку — человек сделал...

— Алекс! Друг мой последний! Это сделали — в Китае!

— И что?

— Смотри мне вот сюда. В глаза. Видишь?

— Ну.

— У нас — магазин — товаров — отечественного — производства! Национальный — антикризисный — гипермаркет! Я не могу продавать телогрейки, отшитые в Китае.

— Не «у нас». У тебя. Это твой магазин.

— Неважно!

— Не кричи. Стены тонкие.

— А ты стены не трогай. Это мои стены.

— Люди услышат. Перестанут тебя уважать.

— У меня уважения — немеряно. Мне больше не надо. Мне надо бирки. Не из Китая.

— Бирок нет — и Китая нет. Это я велел их срезать.

— Я догадался, Алекс. Я же не дурак. Но бирки должны быть! «Сделано в России». В крайнем случае, «в Беларуси». Иначе это — фуфло.

— У нас половина товара — фуфло.

— Но не телогрейки!

— У нас весь инструмент — китайский. И топоры, и лопаты.

— Но не телогрейки!! Не телогрейки! Не национальный символ!

— Сомневаюсь насчёт символа.

— А я докажу! Дай мне её! Эту, красную!! Вот! Ты слепой — или как? Где ты видел такую красивую телогрейку?

— Ты, главное, не заводишь.

— Где ты видел такую телогрейку, Алекс?!

— Нигде не видел.

— А цену такую? 999 рублей 99 копеек?

— Цена красивая, да. Но телогрейка — не красивая.

— А какая?

— Не скажу.

— Говори. Давай, говори, и вот сюда гляди. В глаза.

— Она уродливая.

— Нет! Не уродливая! Суровая! Это разные вещи!

— Я бы не одел ребёнка в такую куртку.

— Потому что ты — чёртов буржуй. Такие, как ты, думают, что детей надо одевать красиво и недорого.

— А как ещё надо одевать детей?

— Концептуально.

— Сомневаюсь.

— Ну и чёрт с тобой. Ты же — либерал. Норковый карбонарий. Бунтарь из «Шоколадницы». Ты саботируешь моё дело. Ты против великих идей.

— Извини, Серёжа. Я не против идей. Но давай вернёмся в реальность.

— Не понял. Ты думаешь, я перестал быть реальным?

— Я думаю, тебе пора валить.

— В каком смысле?

— В прямом. Прочитать роман писателя Апдайка «Беги, кролик, беги».

— Писателя Апдайка? Где ты таких слов набрался?

— Пока ты носишься на мотоцикле, я читаю.

— Пока ты читаешь, я спасаю наш бизнес.

— Твой бизнес. Не «наш».

— Да, да. Мой. Чего ты к словам цепляешься? Слова ничего не решают. Только реальные дела. Слушай, что мы реально сделаем. Ты — найдёшь текстильный пресс. Пусть изготовят штамп. Размером с ладонь. «Сделано в России». И — двуглавый орёл, понял? На фоне контуров Евразии! Одна башка — на запад, другая — на восток! Когтями, соответственно, держим Азию, а север — наша естественная корона. Пусть нам поставят этот штамп самой, сука, яркой, несмываемой краской на подкладке каждой теляги... Что с тобой?

— Ничего.

— Говори!

— Серёжа, я не буду этим заниматься.

— Почему?

— У меня других проблем хватает. Вчера мы получили новый иск. Девять миллионов.

— Ерунда. Плюс девять в общей долговой массе.

— Итого пятьдесят четыре.

— Неважно. Оспорим в суде. На меня где сядешь, там и слезешь. Я буду судиться годами. У меня на адвокатов отдельно отложено.

— Серёжа, против нас — миллиардер.

— Да, я Серёжа. И я буду бодаться с любым миллиардером.

— Тебя завалят.

— Сначала пусть догонят.

— Серёжа, это слова. Они нас не будут мочить красиво. Они нас через ментов возьмут. Тихо и быстро.

— Ага. Слушай вот ещё. Закажи такой же штамп, только не чернильный, а светоотражающий. Чтоб светился в темноте...

— Не буду! У нас пять дней не вывозили мусор! Пожарная инспекция опечатала подвал! Если я буду заниматься твоими телогрейками, у меня не останется времени на магазин. Магазин встанет — мы покойники.

— Боишься, брат Горохов?

— Да. Меня бесит этот магазин. Это была тухлая идея с самого начала.

— Потому что ты — либерал.

— Да, либерал. Баррикадный метросексуал и православный гей-активист. Но я последний, кто с тобой остался. Остальные свалили. И либералы от тебя свалили, и патриоты. Самые крутые патриоты свалили первыми. А я — вот он.

— Спасибо, Алекс.

— Пожалуйста. Но чтоб ты знал, Сергей Витальевич: ты — вшивый сталинист. Весь свой народ хочешь в эзковские фуфайки нарядить, в парашу окунуть...

— Я не сталинист, я за большие дела. А ты — даже в семье либерал! Тобой жена рулит.

— А ты мою жену не трогай.

— Да что ты, брат? А кто вас познакомил?

— Неважно. Мы были пьяные. Короче, если ты любитель больших дел — давай сделаем большое дело. Подожжём это всё.

— Хочешь, чтоб я поджёл собственный магазин?

— Получишь страховку.

— Отпадает. Ничего я не получу. Мне никто сейчас не заплатит. Все знают, что я покойник.

— Тогда — читай книгу. «Кролик, беги».

— Я тебе не кролик. Слушай дальше. Эти телогрейки мы не пустим в продажу. Мы проведём полевые испытания. Сделаем рекламный ролик. Надо найти спецов по ножевому бою и драках на палках. Мы оденем каскадёров в наши телаги. Будем кинжалами бить, цепями и дубинами. Я сам буду бить, лично. Камнями кидать. Потом — снимем с людей, положим в ряд на землю, проедем танком и грузовиком. А потом — расстреляем! Одновременно — из «калашникова», М-16 и «узи». И слоган будет: «От пули не защищает. От остального — может». Не главный слоган, но — один из... Что?

— Ничего.

— Нет, скажи уже.

— Я не участвую. Я резко против. Я ненавижу эти телогрейки и видеть их не хочу. Это всё, Сергей. Всё.

Сильный шум в ушах.

Меняется давление, вечером будет дождь.

Цветные пятна перед глазами. Прозрачный, упругий свет полуденного солнца валит через огромные, не слишком чистые окна кабинета.

Красные телогрейки, жёлтые, чёрные.

Серое лицо, серые глаза, серая рубаха последнего товарища.

Его зовут Саша Горохов. У него простой и ясный практический ум, и он очень верный. Если бы хотел, давно бы предал или сбежал. Но не предал.

Внутри, где-то в горле или немного ниже, возникает гадкое, микстурное ощущение, известное как «укол стыда».

«Зря я на него накричал, — думает Знаев, сглатывая слюну досады. — Нахамил, унизил. “Смотри в глаза...” А ему скоро пятьдесят, он отец двоих детей. А я с ним — как с мальчишкой».

Шесть разноцветных телогреек лежат на широком столе. Из каждой пары одна — маленькая, детская; вторая — взрослого 50-го размера. Пластиковые пуговицы приятно переливаются. Рукава и воротники простёганы тройным швом.

Но в целом — Горохов прав — они выглядят уродливо.

«Ну и что? — возражает Знаев сам себе. — Они проделали долгий путь. Они лежали спрессованными в тюке. Расправим, обомнём! Будут красивые, как тульские пряники...»

За его спиной — огромное окно, прозрачное с одной стороны. Сделав шаг, можно обозреть весь торговый зал, шевеление толпы покупателей-пигмеев.

Не потому пигмеев, что ничтожны, а потому, что взгляд с высоты, из большого кабинета, заставленного тяжёлой кожаной мебелью, любого обращает в пигмея.

Когда здание дало осадку, стекло треснуло. Хозяин кабинета, бывший банкир Сергей Витальевич Знаев, сам заклеил его скотчем.

То была — как догадался хозяин в тот момент — символическая трещина, указующая.

Всё треснуло, расползлось, просело.

Возьми весь скотч, какой есть, и попробуй: заклей дыры и прорехи, собери рассыпанное, почини сломанное.

Сначала — себя самого. Мужчину сорока восьми лет, без признаков живота и лысины, наполовину рыжего, наполовину седого, тёртого, жилистого, расчётливого, азартного, безошибочного — да вдруг сотворившего все ошибки разом.

Потом — его семью, с блеском задуманную и воплощённую мечту о доме-гнезде, мечту, реализованную и избытую в жалких три года; тоску по единственному сыну; путаницу любовей, обид, обожания и отчаяния, всю эту обязательную программу мужчины-самца-родителя-продолжателя, то ли невыполненную, то ли перевыполненную, никогда не поймёшь.

Потом — его труд, его хлеб, его способ заработка. Финансовый рынок. Банк, основанный в подвале магазина «Спорттовары» близ метро «Китай-город», Москва, Россия, очень давно, в дремучие годы раннего капитализма, когда по заснеженным Тверским улицам и Кривоколенным переулкам ещё гоняли на сытых лошадях опричники, и у каждого была привязана к седлу собачья голова с оскаленной пастью; а у дверей кабаков толпились голодные женщины, ошеломительно красивые и сговорчивые; его банк пережил и те годы, и последующие, и более поздние, его банк работал при Борисе Николаевиче, и при Владимире Владимировиче, и при Дмитрие Анатольевиче, и потом опять при Владимире Владимировиче, и сделал его богатым в конце концов. Его детище, его машинка для извлечения миллионов из пустого воздуха.

Потом, наконец, его безумную идею. Магазин. Национальный антикризисный гипермаркет. Проживший, увы, всего семь лет — если считать от момента появления сырой идеи, от воображённых, нафантазированных красных букв в чёрном небе.

«Готовься к войне».

И до сегодняшнего дня.

— Алекс, — позвал он. — Ты прав. Меня опять понесло. Я орал и ругался. Я мудака конченный. Прости.

Горохов молчал, смотрел в треснувшее стекло.

— Ты не обязан заниматься телогрейками, — добавил Знаев после небольшого дипломатичного молчания. — И вообще... Если устал... или... ну... боишься — уходи. Я пойму.

— Я не трюмная крыса, — ответил Горохов. — Я не побегу с корабля.

— Мы не крысы, — сказал Знаев. — Мы музыканты. «Титаник» тонет, а мы — сидим на палубе и играем на виолончелях.

Горохов скупно улыбнулся и ловким жестом, отработанным за четверть века канцелярской практики, достал из кармана пиджака сложенную вчетверо бумагу и подсунул авторучку:

— Распишись. Я возьму денег из кассы. Надо заплатить пожарникам штраф. Оказывается, все решётки на первом этаже должны открываться. Чтоб, значит, в случае возгорания выпрыгивать...

— Подожди выпрыгивать, — сказал Знаев и в свою очередь пододвинул к Горохову планшет (с лопнувшим тоже стеклом). — Посмотри.

Горохов надел очки и наклонил маленькую коротко стриженную голову.

С экрана смотрел сосредоточенный вихрастый мальчик.

— Это ты?

— Тут мне восемь лет. Тут — двенадцать. А это — старшие классы...

Горохов весело рассмеялся, и стыд перестал беспокоить бывшего банкира.

— Тощий, из штанов вырос, — потешаясь, сказал Горохов. — А уши-то, уши! Торчат, как у оленя!

— Олень — это грубое оскорбление.

— А почему сейчас не торчат?

— Торчат так же. Шея стала толще, из-за этого уши кажутся меньше.

Смех перешёл в сердечное хихиканье.

— Извини, Серёжа... В школе, наверное, ты из-за этих ушей страдал немало.

— В школе, — сурово ответил Знаев, — я был крутым парнем. Первым гитаристом. Но вот этого школьного пиджака я не помню. Я вообще не помню этих фотографий. Их прислали сегодня утром. По электронной почте. Женщина. Зовут Вероника. Кто такая — непонятно. Просит о встрече.

— Чего хочет?

— Отдать мне оригиналы.

— Зачем?

— А я узнаю, — сказал Знаев. — Поговорю. Откуда у чужого человека мои детские фотографии?

— Это подстава, — уверенно сказал Горохов. — Или шантаж. Один не ездил. И прицепил на фуфайку микрофон. Сейчас нельзя рисковать...

— Рисковать можно всегда.

— Она приедет сюда?

— Нет. Встречаемся в городе.

— Будь осторожен.

— Спасибо, брат. Если бы не ты, я бы уже был мёртвый.

— Не надо пафоса, — раздражённо сказал Горохов. — Пока ты не мёртвый — распишись вот здесь. Я буду перделывать решётки и откачивать воду из подвала. Детские фотографии или не детские — магазин должен работать.

Из кабинета — почти сто метров по коридору, освещённому скупой, лампами-миньонами (здесь отчаянно берегли энергию), в надоевших запахах сырого цемента, кирпича, селедки, ацетона, пролитого алкоголя, слежавшихся тряпок, спотыкаясь о ящики и коробки, сухо здороваясь с незнакомыми людьми: теперь в магазине люди менялись часто, кассиры, товароведы и охранники нанимались и увольнялись ежедневно; теперь хозяин никого не знал ни в лицо, ни по имени, но хозяина знали все, а кто не знал, угадывал по бешеному взгляду — и при его приближении на всякий случай прижимался к голым стенам, демонстрируя крайнюю степень уважения.

В конце коридора — лестница вниз, во двор, заставленный баками с мусором.

Согбенный азиат в форменной жилетке на голое тело тштится придвинуть вонючие ёмкости плотней друг к другу: мусор накапливается стремительно, со скоростью пять кубических метров в сутки, и если его не вывозить, весь магазин, вместе с пятиконечными красными звёздами на крыше, будет погребён в нечистотах.

У крыльца служебного выхода стоял пыльный мотоцикл хозяина магазина: не самый дорогой, зато самый быстрый. Один безбашенный японец когда-то впервые в мире развил на таком мотоцикле скорость в триста ки-

лометров в час. При первом же взгляде на любимого конника у Знаева поднялось настроение, и даже запах, исходящий от мусорных баррикад, не показался столь тошнотворным.

Знаев подставил физиономию горячему солнцу и вспомнил, что не спросил Алекса Горохова о самом главном.

И возвращается назад, в кабинет.

И застаёт своего единственного помощника за распитием алкоголя.

Помощник — да, злоупотребляет, но его можно понять: нагрузка слишком велика.

Горохов смотрит совершенно бессмысленным, опрокинутым внутрь взглядом — такой бывает в первые мгновения после выпитого стакана. Знаев плотно закрывает за собой дверь.

— Забыл спросить. Как твой брат?

— Не очень, — ответил Горохов; на его бледном лбу выступил пот. — Лежит пластом. Обе почки отказывают. Распух уже. Врачи говорят: срочно в больничку. Он резко против.

— Заставь.

Горохов покачал головой.

— Не буду. Он свободный человек. Это его свободный выбор. Он за всю жизнь ни одной таблетки не съел. Медицине не доверяет. Не пил, не курил, чистюля страшный. Ни разу, сколько помню, в речке не купался — боялся заразы... Плавать летал — строго в Египет... Каждый день — йога и медитация... Сорок два года... И вот чем закончилось.

— Сорок два, — сказал Знаев. — Шесть полных циклов. Давай-ка бери денег из кассы и вези его насильно в самую лучшую клинику.